

Национальный консенсус или общественная аномалия?

Об особенностях массового сознания
в «посткрымской» России

© Бызов Л. Г.

© Byzov L.

**Национальный консенсус или общественная аномалия?
Об особенностях массового сознания в «посткрымской» России**

**National Consensus or Social Anomaly?
On the Specialties of Mass Consciousness in “Post-Crimean” Russia**

Аннотация. В статье анализируется динамика массового сознания в России, сформировавшегося в 2014 году на волне событий на Украине и в Крыму. Консолидация общественного большинства и его радикализация, с одной стороны, формируют национальный консенсус и обеспечивают высокий уровень общественного оптимизма в условиях ухудшения социально-экономической ситуации; с другой стороны, имеют ряд неоднозначных последствий и тенденций, вызывая к жизни архетипические пласты массового сознания, во многом противоречащие реальной системе ценностей и установок, не предполагающих мобилизации и потребительских ограничений. Это противоречие обязательно повлияет на политический процесс, если не в ближайшей, то в более длительной перспективе, что делает общественно-политическую ситуацию в стране существенно менее устойчивой, чем в первое десятилетие нынешнего века.

Annotation. The article analyzes the dynamics of the mass consciousness in Russia, formed in 2014 in the wake of the events in Ukraine and Crimea. The consolidation of the public and most of its radicalization, on the one hand, form the national consensus and ensure a high level of public optimism in the face of deteriorating socio-economic situation; On the other hand, have some mixed effects and trends, bringing to life the archetypal layers of the mass consciousness, is largely contrary to a real system of values and attitudes which do not involve the mobilization and consumer constraints. This contradiction will surely affect the political process, if not in the short, then in the longer term, making socio-political situation in the country is much less stable than in the first decade of this century.

Ключевые слова. Аномалия, консенсус, консолидация, мобилизация, крымский синдром, ценностный раскол, архетипическое сознание, проблемное поле.

Key words. Anomaly, consensus, consolidation, mobilization, Crimean syndrome, division of values, archetypal consciousness, fields of problems.

Общественно-политическая ситуация в России в последние полтора года продолжает находиться под сильным влиянием внешнеполитических факторов, в первую очередь связанных с событиями в Крыму и на Украине. Эти события, как и вызванные ими внутрироссийские процессы, с одной стороны, логично вытекали из тех тенденций и процессов, которые сформировались в стране после 2011 года (поляризация и радикализация общественного мнения). Но с другой стороны, эти же факторы «сломали» другие тенденции и тренды, наметившиеся в то же время (постепенный рост протестных настроений, расширение протестной базы).

БЫЗОВ Леонтий Георгиевич — ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, кандидат экономических наук.

Как результат — взаимоотношения общества и власти в России стали переживать явно необычное, аномальное состояние, которого не наблюдалось, пожалуй, с первого послевоенного десятилетия. Его можно охарактеризовать как мобилизацию общества вокруг власти, когда различные и часто справедливые претензии, связанные с внутренними проблемами, отходят на второй план, а на первый выходит внешняя угроза — неважно, реальная она или мнимая. Эти взаимоотношения иногда называют «крымской аномалией». Слово «аномалия», возможно, кажется негативно окрашенным, и это — мнение значительной части экспертов.

Существуют, однако, и те, кто видит в «новом состоянии общества» долгожданную новую национальную идею, создающую национальную консолидацию. «Очень часто говорят о поиске национальной идеологии, “духовных скреп”, которые бы образовывали некий общий фундамент, скрепляющий нацию. Кажется, что одна такая скрепа, настоящая скрепа, скрепа, оплаченная кровью, у нас появилась. Это идея.., что Россия является государством русских, которое должно защищать русских, где бы они ни находились, а мы, русские люди в РФ, несем ответственность за русских в других государствах и должны приходить к ним на помощь в случае беды» [1]. Такова тоже достаточно распространенная позиция, активно поддерживаемая общественным мнением.

* * *

Мобилизация изменила (пока неизвестно, надолго или нет) ранее наблюдавшийся долгосрочный тренд, связанный с постепенным снижением уровня поддержки власти в результате моральной усталости общества и элит и нарастанием круга экономических и социально-политических проблем, которые не находили своего решения. Между тем многие эксперты предсказывают постепенное переключение внимания россиян на внутривнутриполитические проблемы. «Внутриполитическая повестка усложнится, — прогнозировал в начале нынешнего года Р. Туровский. — Если в минувшем году в ней доминировали патриотические темы, то в новом (что проявляется уже сейчас) на первый план выйдут социально-экономические, потому что проблемы обесценивания зарплат и роста цен на товары первой необходимости из-за падения курса рубля так или иначе коснутся всех» [2].

На деле, однако, это переключение если и происходит, то медленнее, чем казалось ранее. Осенью в стране началась первая волна давно ожидаемого экономического кризиса, однако и он в большей степени оказался воспринят общественным мнением как результат внешних обстоятельств — введенными против России санкциями (и встречными санкциями России) и падением цены на нефть. Патриотизм, на словах и на деле, в минувшие полтора года стал почти главной национальной идеей. Именно во многом благодаря патриотическому подъему россияне продолжают демонстрировать *относительно* высокий уровень

оптимизма и удовлетворенности своей жизнью. *Относительно* — потому что все же за это время произошло снижение доли тех, кто оценивает ситуацию в стране как нормальную, спокойную (с 33 до 22 процентов), и, соответственно, рост числа тех, кто видит ее как напряженную, кризисную (с 53 до 64 процентов). Однако число «катастрофистов», оценивающих ее как катастрофическую, выросло совсем незначительно (с 6 до 8 процентов)¹.

Пока никак не сбываются многочисленные осенние прогнозы о том, что к середине 2015 года страна подойдет в состоянии полной экономической разрухи и социальной депрессии. Все эти угрозы еще не списаны со счетов: ситуация остается острой и беспокойной. Тем не менее уровень общественного оптимизма вернулся примерно к началу 2000-х годов, далеко не достигнув, конечно, показателей конца 1990-х, но сильно отступив и от самого оптимистичного 2012-го. Большими оптимистами в оценке ситуации в стране проявляют себя молодежь (до 28 процентов молодых людей считают ситуацию нормальной), а также наиболее материально обеспеченные слои общества. Интересно, что та немногочисленная группа россиян, которая негативно относится к В. Путину, одновременно и резко негативно оценивает текущую ситуацию в стране: 33 процента — как катастрофическую и 50 процентов — как напряженную, кризисную. Во многом это следствие использования разных источников информации: если основные телеканалы излучают оптимизм, то альтернативные источники, в первую очередь сетевые, напротив, акцентируют неразрешимые трудности, стоящие перед российской экономикой и обществом в целом.

Таблица 1

Динамика оценки ситуации в стране (мониторинг ИС РАН)

	1997	1998	1999	2000	2003	2006	2010	2012	2013	2014 1 волна	2015 2 волна
1 — Ситуация нормальная, спокойная	13	2	5	16	22	33	16	35	31	33	22
2 — Ситуация напряженная, кризисная	43	45	61	60	55	48	73	43	43	53	64
3 — Ситуация катастрофическая	38	51	29	18	13	11	11	6	10	6	6
Затрудняюсь ответить	6	2	5	9	10	7	—	16	17	8	8

¹ Здесь и далее приводятся данные социально-политического мониторинга Института социологии РАН (рук. М. Горшков), две последние «волны» которого были выполнены в конце 2014-го и весной 2015 года.

Согласно данным ВЦИОМ примерно того же периода [3], оптимизм россиян в апреле превысил исторический максимум. «Позитив в отношении положения дел в стране продолжает расти с начала года: индекс социальных настроений в марте 2015 года вышел на отметку 70 пунктов, установив новый максимум за всю историю измерений. Индекс социальных ожиданий с января по март с. г. вырос на 20 пунктов. Положительная динамика связана с увеличением в два раза доли тех, кто уверен, что тяжелые времена уже позади (с 11 процентов в январе до 22 процентов в марте с. г.)». Ссылаясь на данные Левада-центра и ФОМ, М. Дмитриев утверждает, что «склонность к протестам по экономическим причинам сейчас несильно отличается от того, что было в 2009—2010 годах. Обследование ФОМа, проведенное в октябре прошлого года, показывает, что готовность к протестам по причинам падения доходов, пенсий, роста цен и тарифов ЖКХ находится в диапазоне 18—20 процентов. Это единственные причины протестности, которые находятся, по определению самого фонда “Общественное мнение”, в красной зоне. Все другие мотивы ниже. И, по сути дела, пока развитие событий следует в канве кризиса 2008—2010 годов». А это означает, по его мнению, что «патриотическая анестезия» будет продолжаться относительно недолго, если, конечно, масштабы кризиса будут разрастаться [4].

Перемены в стране явно происходят. Так, по данным мониторинга ИС РАН, всего 7 процентов опрошенных считают, что никаких перемен не случилось. Но направление этих перемен россиянам не вполне очевидно: 34 процента видят перемены к лучшему (5 процентов — значительные перемены к лучшему), а 66 процентов — к худшему (в том числе 19 процентов — значительные перемены к худшему). Осенью минувшего года соотношение этих показателей было примерно равным: 45 против 43 процентов. Вектор «вниз» — понятен: трудно поспорить и с рекордным ростом цен, и с ограничениями в товарном ассортименте, и с потерей веса рубля. Однако та треть населения, которая видит движение «вверх», вероятно, интерпретирует те же данные по-своему: экономические санкции привели и к росту производства отечественных товаров, а главное — Россия, несмотря ни на что, держится, а это — тоже хорошая новость. Короче говоря, общество видит ухудшение реальной социальной ситуации, но не может оценить, насколько это всерьез и надолго, и каковы перспективы возвращения к привычным стандартам жизни.

Не берутся предсказать этого и многочисленные эксперты, хотя, как правило, их оценки носят более пессимистический характер. Но сегодня еще жить можно, катастрофы пока не предвидится. Можно утверждать, что общество, расколотое по отношению к событиям на Украине, оказалось расколотым и в отношении осознания ситуации в стране и текущих проблем. «Пропутинское» и «прокрымское» большинство склонно не драматизировать ситуацию, оценивать ее с оптимистическими ожиданиями; а оппозиционно настроенное меньшин-

ство — напротив: сгущать краски, фиксировать перемены в худшую сторону, ждать дальнейшего ухудшения ситуации и роста напряжения в обществе.

Пока кризис для большей части россиян проявляется лишь в росте цен (70 процентов). 20 процентов опрошенных жалуются на экономические трудности, связанные с работой предприятия, вынужденного частично свертывать свою экономическую деятельность. 13 процентов опрошенных пожаловались на обесценение сбережений из-за инфляции. Это известные вещи. Важно то, что практически отсутствуют жалобы на работу банковского сектора (менее 2 процентов) и на реальную безработицу: только 3 процента оказались в неоплаченном отпуске или перед угрозой увольнения, чуть более 3 процентов потеряли работу, менее 5 процентов сталкиваются с практикой задержки зарплат. В целом государство продолжает исправно выполнять свои социальные обязательства.

Россияне в своем большинстве смотрят на кризис через призму санкций. О причинах этих санкций и перспективах их снятия россияне знают мало, многие из них не видят прямой связи между санкциями и политикой России в Крыму и на Украине («это только предлог, все равно бы их ввели — не за то, так за другое»), а видят в санкциях просто враждебность Запада, вызванную завистью и аналогичными нехорошими чувствами. Во многом поэтому нет ясного понимания, как эти санкции скажутся на российской экономике. У большинства сохраняется известное мнение, что «мы все можем сделать сами», при этом имеются в виду в первую очередь продукты питания. О значении санкций для крупного бизнеса, банковского сектора, сферы высоких технологий население осведомлено крайне слабо.

Неудивительно, что общественное мнение оказалось расколото на примерно равные части: 41 процент считает, что от санкций пользы больше, чем вреда, а 45 процентов видят их серьезные негативные последствия. Но и те и другие полагают, что санкции можно и нужно перетерпеть, не поддаваясь на шантаж, и лишь 14 процентов россиян придерживаются мнения, что необходимо предпринять все возможные меры для их снятия, включая какой-либо политический компромисс с Западом. Типичная психология «осажденной крепости»: «умрем, но не сдадимся». Кстати, о том, что санкции носят двусторонний характер, и фрукты и сыр из Европы пропали уже в силу встречных российских санкций, россияне не знают или не придают этому значения.

Отношение к санкциям во многом связано не столько с экономическими проблемами, которые испытывают опрошенные, сколько с политическими и мировоззренческими. Ущерб от санкций считают неприемлемым, как правило, те же россияне — точнее, то же их меньшинство, которое негативно оценивает присоединение Крыма и отрицательно относится к деятельности В. Путина. Если консервативное большинство в целом скорее позитивно восприняло режим санкций,

в том числе и встречный запрет РФ на ввоз западного продовольствия (около 25 процентов видят в этом только позитивные последствия и еще 25—30 процентов — как позитивные, так и негативные), то отношение либералов к ответным российским санкциям носит негативный характер.

Отношение к санкциям во многом связано не столько с экономическими проблемами, которые испытывают опрошенные, сколько с политическими и мировоззренческими.

Довольно легкое, спокойное отношение россиян к экономическим санкциям заслуживает отдельного анализа. С одной стороны, это проявление инфантилизма («пусть об этом думает власть»), с другой — некоторая переоценка роли и экономической мощи России. Согласно результатам более раннего опроса того же Левада-центра, менее 10 процентов опрошенных в начале марта 2014 года были сильно обеспокоены возможной международной изоляцией России, столько же — политическими и экономическими санкциями против нашей страны. И всего 4 процента — прекращением поставок в Россию товаров и продуктов с Запада, а 6 процентов — возникновением препятствий для поездок на Запад [5].

* * *

На фоне развивающегося кризиса и введенных санкций стала меняться «проблемная поляна» — те проблемы, которые опрошиваемые считают для себя особенно важными, существенными. Если сравнивать эти данные с результатами аналогичного опроса пятилетней давности, то хорошо видно, насколько выросло значение роста цен: с 40 до 72 процентов. Почти 30 процентов опрошенных обеспокоены развитием ситуации вокруг Украины, чего пять лет назад просто не существовало. На этом фоне, возможно временно, отошли на второй план такие стратегические проблемы, как вымирание населения России (с 29 до 16 процентов), сокращение доступа к бесплатному образованию и медицине (с 45 до 36 процентов), коррупция (с 44 до 30 процентов), рост преступности (с 30 до 9 процентов), угроза терактов (с 14 до 7 процентов), межнациональные противоречия (с 9 до 6 процентов). Пока это лишь первая реакция на кризис — растут цены! Нет реальной безработицы, нет опасения терактов, войн и вооруженных конфликтов. Но в каком направлении будет развиваться кризис на самом деле, покажет лишь время.

«Аномальное» состояние общества проявляется не только в «легком» отношении к экономическим трудностям. Существенно изменилось

отношение общества к власти. Количественная социология, массовые опросы общественного мнения вплоть до весны 2014 года с большим трудом фиксировали происходящие перемены, которые очень мало отражались в конкретных цифрах и данных опросов. Глядя на них, было трудно предположить, что в стране произойдет что-то важное, необычное — скорее наоборот, они свидетельствовали о политическом «болоте» и общественной «спячке». Вплоть до присоединения Крыма относительно стабильным в течение всего периода наблюдений оставался уровень доверия к руководству страны, в первую очередь к президенту В. В. Путину. Все колебания рейтинга носили волнообразный характер и не приводили к формированию заметных устойчивых тенденций. Однако фактор «Крыма» и психология «осажденной крепости» резко изменили картину.

Из следующих данных хорошо видно, насколько изменились отмеченные тренды в результате «крымской аномалии» 2014 года. Уровень доверия к Президенту РФ (не персонально к Путину, а именно Президенту) подскочил с 59 (в «докрымскую эпоху») до 78 процентов весной нынешнего года (а по данным ВЦИОМ, даже до 85 процентов) и на этой высоте держится уже полгода. Менее значительный, но все же отчетливый рост коснулся и других институтов власти: Правительства РФ (с 43 до 49 процентов), руководителей регионов и губернаторского корпуса (с 43 до 48 процентов осенью, затем снова вернулся к 43 процентам), Государственной Думы (с 29 до 32 процентов, впоследствии снова вернулся к 29 процентам), Совета Федерации (с 31 до 34 процентов, потом вернулся к 30 процентам доверяющих).

В меньшей степени перемены коснулись общественных и политических институтов. Так, политическим партиям доверяют всего 16 процентов россиян, что ясно говорит о глубокой деградации этого политического института. Произшедшая мобилизация носит отчетливо персоналистский характер — не случайно, по словам Д. Пескова, «Путин — и есть национальная идея России», с какой бы иронией не отнеслось экспертное сообщество к подобному заявлению. Очевидно, что рост рейтинга других институтов носит скорее характер отраженного света, поскольку они так или иначе тоже встроены в вертикаль власти, которая на самом верху замыкается В. В. Путиным. Однако результаты второй волны мониторинга ИС РАН в апреле нынешнего года показали, что доверие к другим институтам власти, выросшее на волне патриотической эйфории, возвращается в свои привычные берега, и лишь рейтинг доверия к В. В. Путину остается на заоблачном уровне.

Мобилизация общественного большинства привела не только к росту количественных показателей президентского рейтинга, но и к росту доли тех, кто его поддерживает безусловно: за полгода эта цифра выросла больше чем вдвое — с примерно 25 до 57 процентов осенью и еще немного увеличилась до 58 процентов нынешней весной. 32 процента поддерживают В. В. Путина лишь отчасти, так как не видят ему приемлемой альтернативы; и только 7 процентов открыто заявляют о том, что не поддерживают президента.

Рейтинг В. В. Путина, точнее — феномен его устойчивости, постоянно обсуждается в различных экспертных кругах и СМИ; есть эксперты, которые объясняют его элементарным страхом дать честный ответ. Однако это скорее всего не так. Ведь уровень поддержки Путина очень тесно коррелирует и с рейтингом присоединения Крыма, и с рейтингом донецкого ополчения, и с целым рядом других социологических констант. Для общественных радикалов, в основном из патриотического лагеря, В. В. Путин — лидер Русского мира, бросивший вызов всемогущим США. Для большей части обычных россиян он остается гарантом стабильности, лидером, отстаивающим привычные общественные реалии, и без которого «Россию просто съедят».

Таковы лишь самые внешние контуры «крымской аномалии». Аналогичные тенденции — постепенного снижения уровня доверия к власти как основного тренда, «крымской аномалии» — отмечали и другие исследователи общественного мнения, в частности Л. Гудков. «Уровень доверия к власти с некоторыми колебаниями, вызванными предвыборными “накачками”, устойчиво снижался вплоть до марта 2014 года. В этот период в обществе накапливалось огромное раздражение властью, шел устойчивый, казалось бы, необратимый процесс ее делегитимизации. После присоединения Крыма все социологические показатели резко устремились вверх...» [6]

Следом за президентом по показателям доверия идут Российская армия (65 процентов доверяющих) и Церковь (50 процентов). Надо прямо сказать, что эта триада, характерная для всех авторитарных режимов, остается в России неизменной с самого конца 1990-х годов. Если армия демонстрирует свои боевые качества в учениях, оборонном комплексе и «гибридных войнах» и находится сегодня в центре общественного внимания, то РПЦ переживала и лучшие времена. Сегодняшнее положение РПЦ, все сильнее встраиваемой в административную вертикаль, имеет и обратные последствия — снижение чисто духовного авторитета, что особенно бросается в глаза из-за отсутствия каких-либо внятных заявлений по братоубийственной войне на востоке Украины, где друг друга убивают прихожане одной и той же Церкви. Внутри самой РПЦ также поднялась волна крайне консервативных церковных деятелей, которые активно толкают Церковь к более широкому вмешательству в дела государства, общества, культуры и воспитания. И последствия такой политики носят неоднозначный характер.

* * *

Подведем некоторые предварительные итоги. По четырем вопросам (степень доверия к президенту Путину, выбор между властью и оппозицией, готовность поддержать власть, оценка правильности того пути, по которому идет нынешняя Россия) нами был составлен суммарный показатель, отражающий среднюю долю антивластных, протестных настроений в различных группах российского общества.

Несмотря на то, что получившееся распределение носит не слишком выраженный характер, так как уровень недовольства властью определяется не столько возрастными характеристиками, сколько более тонкими, связанными с системой ценностей, видно, что наибольшее недовольство характерно для молодой части россиян, особенно в интервале 26—30 лет; а в группах старше 45 и особенно 50 лет происходит значительное снижение доли недовольных. Также отчетливо видно, что недовольство властью значительно сильнее проявляется в крупных городах, особенно с численностью населения от 500 тысяч до миллиона жителей — до 37 процентов, что даже превышает показатели традиционных источников протестной активности — мегаполисы (26 процентов).

И наконец, что представляется наиболее важным — недовольство властью сегодня сконцентрировалось в достаточно локальной группе «русских западников», сторонников европейского выбора. Эта группа невелика по объему. Ее ядро — те, кто готов поддержать на выборах партию европейского выбора, — составляет не более 3 процентов, а периферия, частично разделяющая европейские ценности, — еще 10—15 процентов. Значительно снизилось на «крымской волне» недовольство властями со стороны русских националистов — почти вдвое, хотя и остается относительно высоким. Очевидно, что больше половины националистов, еще накануне «крымской эпопеи» относившихся резко критично к российским властям, примкнули к мобилизованному властями большинству (что и показал «Русский марш» в ноябре прошлого года).

Разогрев политической жизни, однако, никоим образом не повлиял на реальное политическое участие граждан. Официальная «политическая поляна» остается в коматозном состоянии: политические партии продолжают деградировать, сливаясь в единое целое (КПРФ, ЛДПР, СР становятся все более похожими на филиалы «Единой России»), убирают из своих рядов всех ярких политиков с собственным мнением. Протестная активность остается на низком уровне, несмотря на начавшийся экономический кризис. Пожалуй, лишь трагическая гибель Б. Немцова в феврале этого года смогла собрать достаточное количество людей в Москве, вышедших выразить поддержку идеям погибшего политика. А критическая энергия активной части общества находит свой выход в социальных сетях, на форумных площадках в Сети, в том числе вокруг некоторых СМИ.

Это очень напоминает самую середину 1980-х годов, когда «идти в политику» было еще рано, но обсуждать в полужурнальной обстановке можно было уже все. С другой стороны, в середине 1980-х общественная активность интенсивно концентрировалась вокруг общественных волонтерских движений, из которых выросли потом вполне состоявшиеся общественные структуры — такие, как «Мемориал», «Община», первые политические партии. Сегодня этого почти нет. Лишь 4 процента опрошенных за последний год хотя бы эпизодически участвовали

в социальных волонтерских движениях, 2 процента — в экологических, 3 процента — в благотворительных, 6 процентов принимали участие в акциях в рамках местного самоуправления, 1 процент — в сфере защиты потребителей, 1 процент — в правозащитных организациях, 2 процента — в объединениях по защите памятников истории и культуры, 2 процента — в религиозных организациях. Больше всего, 7 процентов, отметили участие в интернет-сообществах, но это все же пассивная форма общественного участия.

Исходя из результатов опроса, пока сложно прогнозировать и повышение политического участия в случае ухудшения социального положения. Однако есть точка зрения, что старая партийно-политическая система, дойдя до своего «дна», скоро начнет формироваться заново. «Система пришла в движение, и эти подвижки будут продолжаться. Расколы будут происходить в первую очередь внутри так называемых системных партий. Именно эти расколы во многом предоставят строительный материал для новых проектов. Кроме того, неизбежно появятся новые кандидаты — те, кто ранее не участвовал в выборах по разным причинам, и те, кого подняла политическая волна минувших лет», — отмечает политолог А. Кынев [7].

События, связанные с переворотом на Украине и последующим присоединением Крыма к России, стали важнейшим переломным пунктом новейшей российской истории, так как были запущены процессы, во многом носившие вынужденный характер: отступить не может ни одна из сторон кровавого конфликта на Украине. Важные последствия «Крым» имел и для внутривнутриполитической жизни России, так как привел к резкой поляризации общества на большинство, поддерживающее курс властей, и меньшинство, его активно не приемлющее. Меньшинство это, однако, обладает сильными позициями в элитах и СМИ, пользуется поддержкой западного общественного мнения и уже в силу этого по своей влиятельности может соперничать с большинством.

Кроме того, произошедшие события привели к беспрецедентному контролю СМИ над общественным большинством через крайне агрессивный стиль ведения общественной пропаганды, к архаизации и клерикализации общественной жизни, то есть к тому, что в политологии определяется как политическая реакция. На этом фоне можно видеть, что общий уровень поддержки действий властей по Крыму за минувший год не слишком изменился. Доля безусловной поддержки снизилась до 63 процентов — это те, кто считает присоединение Крыма безусловной победой России. 32 процента россиян видят в этом событии как позитивные, так и негативные последствия, и лишь 4 процента считают, что решения по Крыму привели к однозначно негативным последствиям, а само решение называют ошибочным.

Но дело даже не в подобном раскладе сил, а в той непримиримости и агрессивности, с которой сторонники и противники идеи «Крым — наш» отстаивают свои позиции, создавая в обществе атмосферу нетер-

пимости к инакомыслию. «Крым», условно говоря, разбудил в российском большинстве архетипические пласты сознания, которые ожили после нескольких десятилетий спячки и стали формировать повестку дня. Согласно этим архетипам Россия должна быть империей, объединителем Русского мира, великой державой, противостоящей Западу и другим ведущим странам, а население России должно поддерживать действия властей и выявлять в своей стране «предателей» и «пятую колонну».

Аналогичная расстановка общественно-политических симпатий выявилась и в отношении событий в Донбассе. 67 процентов опрошенных — те же безусловные сторонники присоединения Крыма — сочувствуют силам донецкого ополчения, которое стремится освободить «свою» донецко-луганскую землю из-под власти киевских «оккупантов»; 4,5 процента сочувствуют силам украинской армии; а 29 процентов не сочувствуют ни тем, ни другим, а лишь простым людям, вынужденным испытывать страдания и лишения. При этом ни у сторонников, ни у противников донецкого ополчения нет ясного понимания реальных целей и двигательных мотивов развязанной там бойни, а также меры участия России в происходящих в этом регионе событиях и ее планах.

Глубокий ценностный раскол общества, произошедший в связи и вокруг событий в Крыму и на Украине, имеет очень мало пересечений с обычными социально-демографическими факторами. Он не имеет ярко выраженных социальных или региональных границ. Раскол часто происходит внутри семей, дружеских компаний, на работе — где угодно. Людям становится труднее общаться друг с другом, в обществе растут агрессия и нетерпимость к чужому мнению. Вероятно, большое значение при определении позиции имеет привычка пользоваться и доверять либо электронным СМИ и официальной информации, либо сообщениям в Сети и другим альтернативным источникам информации. Итак, прошло полтора года; идея, обретшая форму лозунга «Крым — наш», пока продолжает торжествовать, лишь прибавилось некоторое число умеренных скептиков.

* * *

Политолог Кирилл Рогов задается вопросом: каково качество «путинского большинства», сформировавшегося вокруг внешнеполитического вектора власти? [8] По его мнению, «сторонники “нереальности” пресловутой цифры апеллируют к двум политологическим и социологическим гипотезам — эффекту “сверхбольшинства” и эффекту “спирали молчания” Элизабет Ноэль-Нойман. В результате средний избиратель, не имеющий четких политических представлений (что нормально, а что нет), вынужден присоединяться не столько даже к точке зрения телевизора, сколько к мнению большинства людей, которые, как он знает, думают примерно так, как говорят по ТВ.

Эффект «сверхбольшинства» увеличивает число тех, кто говорит «да», то есть поддерживает режим». Некоторые «социоскептики» выдвигают для объяснения «крымской аномалии» более простое объяснение: опрашиваемые в условиях частичной мобилизации просто боятся выражать свое истинное мнение и дают неправдивые общественно одобряемые ответы.

Мы же склонны предположить, что в массовом сознании произошла реанимация архетипического массового сознания. Настроение общества в целом стало носить более радикальный характер, чем официальная политика власти. Общественному мейнстриму резко противостоит группа либералов-западников, ориентированных на европейский тип развития, ценности демократии и свободного рынка. Голоса же центристов практически не слышны, информационная среда в стране глубоко поляризована.

Однако все это лишь видимая, надводная часть развития событий. Не раз приходилось фиксировать внимание на том обстоятельстве, что консерватизм современных россиян в значительной степени носит показной, декларативный характер и слабо подтверждается их образом жизни, поведенческими установками, готовностью к мобилизации и другими важными ценностно-мотивационными атрибутами. На практике мы наблюдаем атомизированное посттрадиционное общество, живущее в соответствии с индивидуальными стратегиями выживания и ориентированное на ценности массового потребления, с разрушенными во многом семейными традициями, низким уровнем солидаризма и самоорганизации.

Это тот случай, когда матрица общественного автостереотипа, представлений общества и нации о самих себе, резко противоречит объективным оценкам состояния общественной морали и правосознания. Однако вопрос политического выбора, формирования массового сознания в государственно-политической сфере во многом относится также к области «идеального», декларативного, и как результат — на практике в большей степени воспроизводит архетипические пласты сознания, чем реальные интересы и мотивации. «Консервативная революция» если и произошла, то на поверхности общественного сознания; но мотивационная система ценностей изменений не претерпела.

Само общество по своим базовым ценностям медленно движется в сторону современного потребительского общества, в котором зависимость населения от власти постепенно снижается, а личные, индивидуальные интересы превалируют над общественными. Как видно из таблиц 2 и 3 (мониторинг ИС РАН), доля тех, кто безусловно нуждается в поддержке государства, упала за последние три-четыре года на 10 процентов — с 66 до 56 процентов, и, видимо, этот процесс будет продолжаться. За прошедшие пять-шесть лет доля тех, кто отдает приоритет личным интересам над интересами страны и общества,

выросла с 55 до 59 процентов. В том числе среди молодежи эта цифра составляет 67 процентов. И это — пожалуй, главное обстоятельство, которое объективно не даст в России свершиться консервативной революции даже при 70-процентной поддержке большинства ее лозунгов и идей. Потому что на практике эта поддержка ограничивается парадной риторикой, в которую многие россияне охотно верят, но вот действовать в соответствии с ней — воевать, работать «за так» на государство, осознавать себя как послушный элемент этого государства — не будут.

Таблица 2

	2005	2008	2010	2011	2014	2015
Я смогу сам(-а) обеспечить себя и свою семью и не нуждаюсь в поддержке со стороны	34	40	39	34	44	44
Без поддержки со стороны государства мне и моей семье не выжить	66	60	61	66	56	56

Таблица 3

	2009	2015
Людам следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества	45	41
Личные интересы — это главное для человека	55	59

По мнению психологов, основные ценностные различия между россиянами заключаются в выборе между социально ориентированным консерватизмом и эгоистическим самоутверждением [9]. В случае предпочтения социального консерватизма, человек ориентируется на кооперацию с людьми, но не в смысле кооператива как инициативного начинания, а в смысле конформного встраивания в существующие социальные структуры, и ради этого готов на выход за пределы собственных интересов, лояльности друзьям и заботы об окружающих. В случае предпочтения эгоистического самоутверждения — напротив, человек выбирает самостоятельный путь, готов к развитию, самосовершенствованию и созданию чего-то нового, но — в отрыве и даже, возможно, противопоставляя себя любым социальным ограничениям.

Если говорить о динамике, то российское население, судя по разным исследованиям, на протяжении последних десятилетий медленно переходит от полюса консерватизма к полюсу самоутверждения. Среди новых поколений растет значимость богатства, успеха, гедонизма, самостоятельности и падает значимость всех консервативных и социальных ценностей. Как утверждает Лев Гудков, «ни о либеральных, ни о консервативных ценностях в России не приходится говорить всерьез. Обще-

ство не идеологизировано. Именно поэтому я не стал бы говорить ни о консервативных настроениях, ни о либеральных. Они характерны для маргинальных групп, небольших по численности» [10].

«Посткрымская» картинка образца 2014 года наложила на целый комплекс архетипов, установок, фобий, которые в совокупности и образуют нечто, что можно охарактеризовать как социокультурный код нации или архетипический пласт его сознания. Синдром «крымской мобилизации» оказался намного сильнее во многом потому, что разбудил в россиянах частично спавшие до нынешнего момента, но, как оказалось, всегда готовые проснуться, выработанные историей страхи, мифы, архетипы (восприятие и оценки самих себя, других народов и стран, образы «внутреннего» и «внешнего» врага). Напомним в связи с этим некоторые результаты проекта «Русская мечта», проведенного ИС РАН три года назад [11]. К цивилизационным характеристикам русской мечты, которые в значительной степени коррелируют с тем, что мы определили как социокультурный код, эксперты относят:

- православие;
- сильную централизованную власть;
- имперскую внешнюю политику;
- духовность в противовес меркантильности.

Все эти четыре важнейших пункта, выделенных экспертами, являются своего рода культурологическими штампами, содержание которых, особенно в настоящее время, представляется далеко не столь очевидным. Если эти ценности более или менее точно отражали цивилизационные доминанты исторической России, Российской империи, то остается открытым вопрос о том, в какой степени эти доминанты работают в России сегодняшней. Известный специалист по теории консерватизма А. Филиппов полагает, что никаких признаков консервативной революции в сегодняшней России нет. «Именно здесь консервативной революции я не вижу совсем, хотя дедемократизацию, конечно, вижу» [12]. Как справедливо замечает И. Яковенко, «традиции могут жить тысячи лет. Но они живут ровно до того момента, когда утрачивают адаптивность и превращаются в механизм разрушения общества носителей традиции. В этом случае они либо забываются, либо трансформируются. Традиция имперской державы, автократии, деспотизма потому и существовала веками, что позволяла создавать на этой территории, в эту историческую эпоху жизнеспособное государство. Всемирно-исторический контекст изменился. Соответственно должны меняться и социально-культурные основания общества» [13].

Сложно сказать, насколько долгой окажется судьба «посткрымского путинского большинства». Как считает А. Титков, «тотальная консолидация российского общества вокруг власти — миф. Пресловутое “посткрымское большинство” расколото по многим

измерениям. Многое зависит от того, в каком направлении двинутся еще не определившиеся 30 процентов» [14]. Свое возьмет и экономический кризис, особенно в удаленных российских регионах. Возобновятся основные тренды, формировавшие общественное мнение до 2014 года. Но процессы, получившие развитие в 2014—2015 годах, надолго останутся фактом новейшей истории, который позволил переосмыслить многие важные механизмы, определяющие социальную и политическую реальность.

В первую очередь это касается роли архетипического кода, которая оказалась сильнее, чем многие предполагали, — ведь социальные изменения в стране должны были бы привести к его трансформации. А Эмиль Паин, уже отталкиваясь от реалий наших дней, полагает, что нынешний посткрымский синдром можно охарактеризовать как «недототалитарное сознание», и предвещает скорый разворот маятника в обратную сторону: «... мобилизационные режимы по историческим меркам самые недолговечные... Исторически все процессы ускоряются, и я думаю, что время жизни мобилизационных режимов сейчас измеряется уже не десятилетиями, а годами...» [15]

Пока же складывается впечатление, что народу дали смысл жизни, утолили экзистенциальный голод и возвратили к своей архетипической матрице. Простая и ясная картинка — где свои, где чужие, кто враг, а кто друг — пришлось очень кстати и отчасти заменяет сегодня поиск «хлеба насущного». С другой стороны, «основная тенденция, наблюдаемая за последние 20 лет, — это формирование на территории России современного национального государства, разумеется, в смысле политической нации» [16]. Люди хотят планировать свою деятельность, иметь постоянную зарплату, сохранять свои сбережения. А для этого необходимо государство с признанными миром границами, стабильным законодательством, конституцией и отсутствием неопределенности в будущем. Жизнь берет свое. Такова картина общественного мнения, складывающаяся к лету 2015 года.

Литература

1. <http://sputnikipogrom.com/russia/37935/new-light-of-tomorrow/#.VXedbFKInfJ>
2. **Туровский Р.** Год надежд // Лента.Ру. 06.01.2015.
3. Сайт ВЦИОМ. Опрос проведен в апреле 2015 года.
4. **Дмитриев М.** Массовое сознание уже переключилось на экономические проблемы. — www.novayagazeta.ru/politics/67153.html
5. Левада-центр. Мониторинг в марте 2014 года.
6. **Гудков Л.** Сейчас Россия живет в эпоху безвременья // Русская планета. 01.11.2014.
7. **Кынев А.** Каким будет партийный расклад в 2016 году? // Газета РБК. 15.04.2015.
8. **Рогов К.** Правда ли, что 83% россиян поддерживают Путина? // Форбс. 09.09.2014.
9. **Яницкий М. С.** Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово, 2000.
10. **Гудков Л.** Это не консерватизм! — <http://slon.ru/calendar/event/1062505/>

11. **Бызов Л.** Контурь новорусской трансформации. М.: РОССПЭН, 2013.
12. Консервативная революция — незавершенная эпоха. Беседа А. Эткинда с А. Филипповым. — <http://gefter.ru/archive/14142>
13. **Яковенко И. Г.** Может ли в XXI веке особый путь оказаться самым верным? // НГ-Сценарии. 29.04.2015.
14. **Титков А.** Три России — из кого на самом деле складывается «путинское большинство» // РБК. 31.03.2015.
15. **Паин Э.** Магия тоталитаризма. — www.colta.ru/articles/society/7139
16. Одного Крыма достаточно // Газета.Ру. 23.03. 2015. ◆